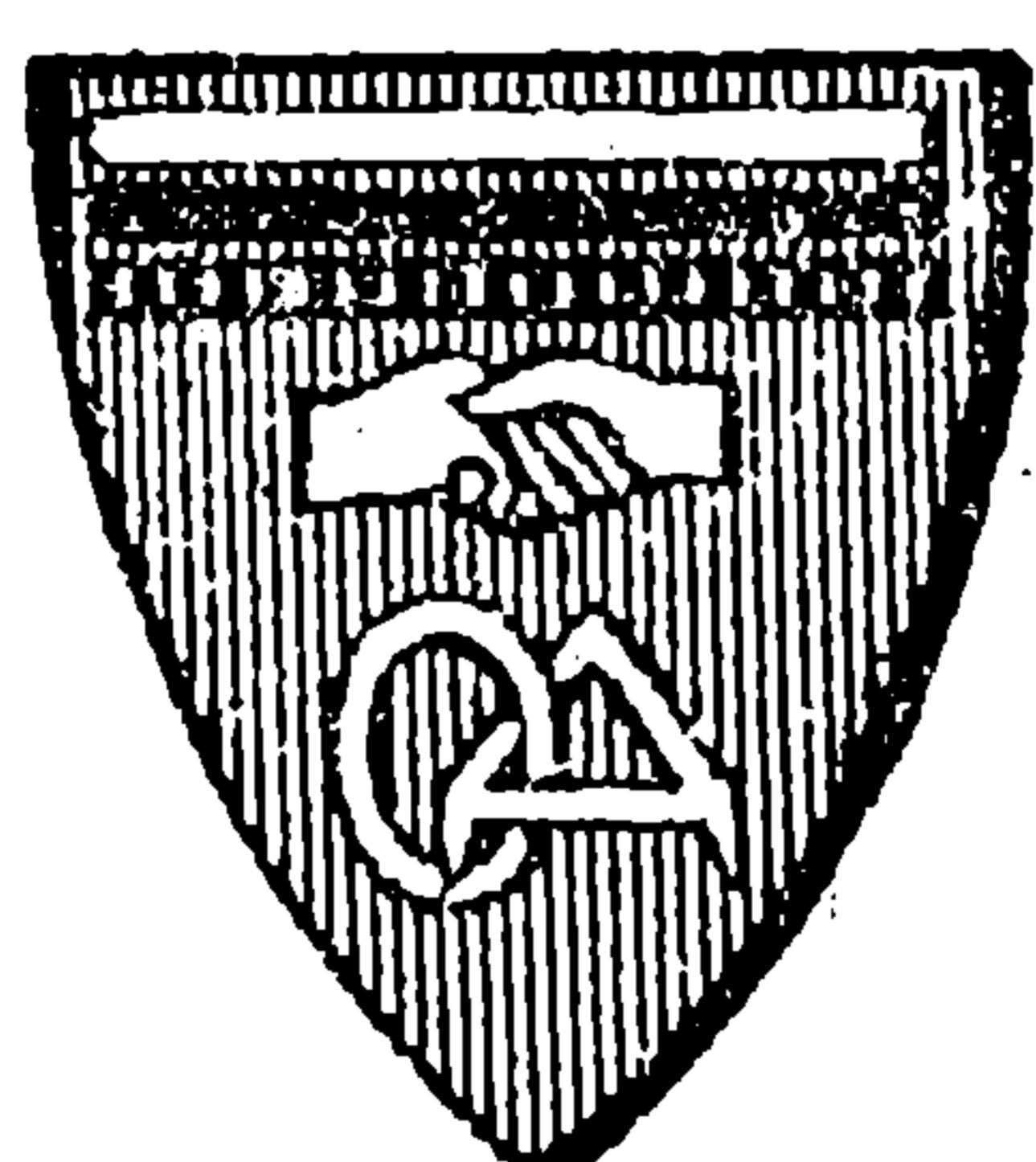

**ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДЪ**

ВЫПУСКЪ 48

Проф. В. А. Францевъ.

**Десять лѣтъ свободной жизни
Чешско-словенскаго народа.**

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКІЙ СВѢТЬ».

**УЖГОРОДЪ,
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩІ».
1928.**

СОСТАВЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО ПРАВЛЕНИЯ О-ВА ИМ. А. ДУХНОВИЧА НА 1928—1929 ГОДЪ.

Почетные члены: 1. д-ръ Антоній Бескидъ, губернаторъ Подк. Руси, 2. Петръ Гебей, епископъ мукачевскій, 3. д-ръ Алексѣй Петровъ, проф. славяновѣд., 4. д-ръ Антонинъ Гайнъ, посолъ, 5. проф. М. М. Новиковъ, ректоръ Русск. Нар. Ун-та въ Прагѣ, 6. проф. д-ръ Ю. И. Поливка, президентъ Чсл. Академіи наукъ, 7. академикъ В. А. Францевъ, проф. У-та.

Президіумъ: 1. архидіак. Евменій Сабовъ, предсѣдатель, 2. д-ръ Стефанъ Фенцикъ, секретарь дѣлопроизводитель, 3. д-ръ Іосифъ Каминскій, 1-й тов. предсѣдателя, 4. д-ръ Игорь Петрикъ, 2-й тов. предсѣдателя, 5. Стефанъ Медьешій; казначай, 6. Андрей Игнацій, второй казначай, 7. Петръ Сова, бібліотекарь, 8. Константинъ Ревтій, хозяинъ, 9. д-ръ Э. Вальницкій, 1-й письмоводитель, 10. Павелъ Федоръ, 2-й письмоводитель.

Центральное правление: 1. Анталовскій Василій, инспекторъ, 2. д-ръ Бачинскій Эдмундъ, 3. д-ръ Бескидъ Александръ, 4. Бродій Андрей, редакторъ, 5. д-ръ Бескидъ Николай, 6. д-ръ Гаджега Юлій, проф. богословія, 7. д-ръ Ілья Гаджега, предсѣд. седріи, 8. д-ръ Гомичковъ Владіміръ, 9. Добошъ Иванъ, инспекторъ, 10. Дюлай Іосифъ, проф. богословія, 11. Драгула Николай, директоръ гімназії, 12. Карцубъ Вікторъ, архидіаконъ, 13. Кизакъ Іоаннъ, канонікъ-професоръ, 14. Коссей Алексѣй, архидіак., 15. д-ръ Мачикъ Константинъ, замѣст. предс. суд. табулы, 16. Ковачъ Иванъ, упр. нар. шк., 17. Микита Михайлъ, професоръ, 18. о. Бокшай Иванъ, 19. д-ръ Петригалла Петръ, гор. гол. г. Мукачева, 20. Поливка Иванъ, б. інсп., 21. Поповичъ Андрей, учит., 22. Юричковъ Василій, учитель, 23. Стасева Феодора Ю., препод. гімн., 24. інж. Стрипскій А., 25. д-ръ Сулинчакъ Василій дир. гімн., 26. Ханатъ Ириней, свящ., 27. Хромякъ Іосифъ, проф., 28. Шпеникъ Василій, инспекторъ.

Контрольная комиссія: 1. Станкай Юлій, канон., 2. Риганъ Михайлъ, нотар., 3. Федоръ Стефанъ, інсп., 4. Стрипскій Августинъ, інж., 5. Гаталякъ Петръ, директ., 6. Черній Ісидоръ, чиновникъ.

СЕКЦІИ О-ВА: I. Научно-литературная: 1. д-ръ А. А. Бескидъ, 2. д-ръ Вальницкій Эм., 3. Гендеръ Иванъ, 4. Василенковъ Василій, 5. Діомидовъ Петръ, 6. Кудронъ Михайлъ.

II. Организаціонно-просвѣтительная: 1. Поливка Иванъ, 2. Федоръ Павель, 3. Федоръ Стефанъ, 4. Игнацій Андрей, 5. Лизакъ Иванъ, 6. Араній Іосифъ.

III. Издательская: 1. Медьешій Стефанъ, 2. Сова Петръ, 3. Небесный Эміліянъ, 4. Карпинецъ Эммануилъ, 5. Стрипскій Августинъ.

IV. Театральная: 1. Куфтина-Полуэктова О. А., 2. Сова Мелетина, 3. Цуркановичъ Иларіонъ, 4. Араній Іосифъ, 5. Молнаръ Гавріль, 6. Романъ Стефанъ.

V. Музикальная: 1. Медрецкій Стефанъ, 2. Якоушъ Вацлавъ, 3. Ковачъ Николай, 4. д-ръ Ст. А. Фенцикъ, 5. Бальцаръ Владіміръ.

VI. Хоровая: 1. Федоръ Павель, 2. Крайнякъ Николай, 3. д-ръ Осипъ Ройковичъ, 4. д-ръ Ст. А. Фенцикъ, 5. г-жа Задорова.

VII. Союзъ Русскихъ Женщинъ: 1. Головичъ Белла Стеф., (Мукачево), 2. Стасева Феодора Юліановна, (Ужгородъ), 3. Гаталякъ Этель, 4. Медьешій Марія, 5. Бескидъ Ольга Андреевна, 6. Дубай Анна, (Пряшевъ).

VIII. Русскій Историч. Архивъ: 1. д-ръ Гаджега Ілья, 2. Стойка Александръ, 3. д-ръ Савчинскій Григорій, 4. д-ръ Шкирпанъ Наталья, 5. Добошъ Иванъ.

IX. Народные дома: 1. Гаталякъ Петръ, 2. Ковачъ Иванъ, 3. д-ръ Ст. А. Фенцикъ, 4. Сова Петръ, 5. Парлагъ Михайлъ.

X. Спортивная: 1. д-ръ Каминскій Іосифъ, 2. Бродій Андрей, 3. Шпеникъ Александръ, 4. Збѣглай Іосифъ, 5. Ройковичъ Іосифъ.

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ

ВЫПУСКЪ 48.

Проф. В. А. Францевъ.

Десять лѣтъ свободной жизни
Чешско-словенскаго народа.

10
1928
Ужгородъ

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКІЙ СВѢТЬ».

УЖГОРОД,
ТИПОГРАФІЯ „ШКОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ“
1928

Десять лѣтъ свободной жизни Чешскословенскаго народа.

(Завѣты исторіи).

(Рѣчъ, произнесенная 28-го октября въ соединенномъ торжественномъ засѣданіи русскихъ ученыхъ и общественныхъ организаций въ Прагѣ).

Солнце ликующей свободы, десять лѣтъ тому назадъ въ исторической день 28-го октября взошедшее надъ Чешкою землею, сегодня озаряетъ своимъ сіяніемъ начало новаго десятилѣтія обновленной независимой жизни Чешскаго народа.

Десять лѣтъ въ жизни народовъ и государствъ есть совершенно неучитываемый по своей незначительности периодъ времени, ибо эта жизнь исчисляется столѣтіями, вѣками, и ими опредѣляются важнѣйшіе этапы въ судьбахъ народовъ, въ ихъ развитіи, радостномъ подъемѣ и горестномъ упадкѣ.

Однако, Чешскій народъ празднуетъ необыкновенно торжественно эту десятую годовщину своего политического воскресенія: вся страна, все славянское населеніе ея, дышащее вынѣ полной грудью всѣми благами свободнаго бытія, принимаетъ участіе въ этомъ первомъ національномъ юбилейномъ празднике. Очевидно, для такого торжества имѣются особыя причины и основанія, которыя невсегда ясны и убѣдительны для посторонняго наблюдателя, не проникающаго глубже въ историческую жизнь народа.

Народы, не испытавши на себѣ чужого ярма и не живши въ неволѣ, какія бы ни выпадали на долю ихъ потрясенія и испытанія, не поймутъ, быть можетъ, того искренняго восторга, тѣхъ радостныхъ чувствъ, которыя волнуютъ сегодня сердца Чешскословенскаго народа, несшаго цѣлыхъ три столѣтія крѣпкое и жестокое габсбургское иго и наконецъ низвергшаго его въ великій день 28 октября 1918 года

провозглашениемъ независимости Чешскословенской республики.

Три столѣтія неустанной борьбы за права Чешского народа, триста лѣтъ страданій его и всевозможныхъ гоненій на Чешскую народность, и наконецъ — разсвѣтъ и яркій восходъ солнца свободы. Это ли не поводъ для всеобщаго ликованія, для всенародной радости? Къ тому же за истекшія десять лѣтъ Чешскій народъ проявилъ столько воли жить свободною жизнью, обнаружилъ такъ много политического разума, дарованій и опыта государственного строительства, что невольно хочется оглянуться назадъ, подвести итоги.

Независимость чешская склонена была на Бѣлой Горѣ 8 ноября 1620 года подъ ударами ея враговъ — Габсбурговъ и ихъ союзниковъ.

Чешскій народъ, исторія котораго представляетъ непрерывную борьбу съ нѣмцами, послѣ Бѣлой Горы особенно сильно почувствовалъ на себѣ, во всѣхъ областяхъ своей жизни нѣмецкій натискъ.

Страна была разорена войной; произошли огромныя конфискаціи земель въ пользу побѣдителей, разнообразныхъ пришельцевъ, габсбургскихъ кондотьеровъ; крестьянство обѣдило и сдѣлалось рабомъ своихъ помѣщиковъ, разбогатѣвшихъ необычайно. Чешская аристократія совершенно отошла отъ своего народа и обезъязынилась при габсбургскомъ дворѣ. Изгнаніемъ протестантскихъ проповѣдниковъ и чешского протестантского дворянства страна потеряла множество лучшихъ людей; историки считаютъ, что чуть-ли не четвертая часть дворянъ и горожанъ ушла въ изгнаніе. Уже въ эту эпоху, въ ближайшіе годы послѣ Бѣлой Горы усиливается германизація страны при содѣйствіи чужого и чуждаго Чешскому народу дворянства. Противореформація вообще не могла сочувствовать чешскому національному движению, какъ еретическому, съ точки зренія католической, и смотрѣла враждебно и на чешскій языкъ, какъ на органъ большой еретической литературы. Весь XVII вѣкъ былъ эпохой тягчайшихъ страданій Чешского народа.

Не обѣщало Чешскому народу ничего отраднаго и XVIII столѣтіе. Нѣмецкое вліяніе въ чешской общественной и культурной жизни, прочно утвердившееся послѣ бѣлогорской катастрофы, въ теченіе этого столѣтія находило сильную и властную поддержку въ мѣропріятіяхъ Габсбурговъ и ихъ

правительствъ. Всѣ эти мѣры опредѣляются двумя ясными терминами: централизація и германизація.

Централізаціонныя усилія вѣнскаго правительства направлены были къ уничтоженію автономныхъ правъ отдѣльныхъ земель; для Чехіи они выразились въ уничтоженіи Маріей Терезіей королевской чешской «придворной канцеляріи», какъ признака самостоятельности земель Чешской короны, для дѣлъ коихъ здѣсь сохранялся еще чешскій языкъ, какъ офиціальный языкъ королевства.

Роль чешскаго языка въ жизни государственной стала теперь совершенно ничтожною. Скромныя заботы правительства Маріи Терезіи въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка о возстановленіи, хотя бы частичномъ, правъ чешскаго языка въ администраціи и школѣ не получили болѣе широкаго развитія.

Іосифъ II особенно расширилъ права и область употребленія нѣмецкаго языка. Какъ германскій императоръ, онъ заботился объ утвержденіи нѣмецкаго языка, какъ единаго государственнаго, объединяющаго всѣ народы монархіи.

Даже въ Венгріи, гдѣ офиціальнымъ языкомъ былъ доселѣ языкъ латинскій, онъ приказываетъ ввести повсюду нѣмецкій языкъ. Особенно видную роль въ этихъ германизаціонныхъ усиліяхъ должна была играть школа.

По-нѣмецки читали профессора въ университетахъ и преподавали учителя гимназій и народныхъ школъ. Для поступленія въ среднюю школу требовалось знаніе нѣмецкаго языка. Средняя школа вплоть до 1816 года была совершенно закрыта для чешскаго языка и его школьнаго развитія.

Покинутый высшимъ классомъ и городскимъ населеніемъ, ограниченный даже въ деревняхъ и селахъ, чешскій языкъ, казалось, обреченъ быть на гибель и исчезновеніе. Это была, по выраженію Гавличка *čividá utištěná vdova*, гонимая и беззащитная. Лучшіе люди конца XVIII вѣка, какъ Добровскій, какъ будто даже сомнѣвались въ возможности спасенія и сохраненія чешскаго языка, ибо все, что могло напоминать Чешскому народу о его великомъ и блестящемъ прошломъ, что могло поддерживать въ немъ любовь къ родной старинѣ, подвергалось гоненію и безпощадно подавлялось.

провозглашеніемъ независимости Чешскословенской республики.

Три столѣтія неустанной борьбы за права Чешского народа, триста лѣтъ страданій его и всевозможныхъ гоненій на Чешскую народность, и наконецъ — разсвѣтъ и яркій восходъ солнца свободы. Это ли не поводъ для всеобщаго ликованія, для всенародной радости? Къ тому же за истекшія десять лѣтъ Чешскій народъ проявилъ столько воли жить свободною жизнью, обнаружилъ такъ много политического разума, дарованій и опыта государственного строительства, что невольно хочется оглянуться назадъ, подвести итоги.

Независимость чешская склонена была на Бѣлой Горѣ 8 ноября 1620 года подъ ударами ея враговъ — Габсбурговъ и ихъ союзниковъ.

Чешскій народъ, исторія которого представляетъ непрерывную борьбу съ нѣмцами, послѣ Бѣлой Горы особенно сильно почувствовалъ на себѣ, во всѣхъ областяхъ своей жизни нѣмецкій натискъ.

Страна была разорена войной; произошли огромныя конфискаціи земель въ пользу побѣдителей, разнообразныхъ пришельцевъ, габсбургскихъ кондотьеровъ; крестьянство обѣдило и сдѣлалось рабомъ своихъ помѣщиковъ, разбогатѣвшихъ необычайно. Чешская аристократія совершенно отошла отъ своего народа и обезъязынилась при габсбургскомъ дворѣ. Изгнаніемъ протестантскихъ проповѣдниковъ и чешского протестантского дворянства страна потеряла множество лучшихъ людей; историки считаютъ, что чуть-ли не четвертая часть дворянъ и горожанъ ушла въ изгнаніе. Уже въ эту эпоху, въ ближайшіе годы послѣ Бѣлой Горы усиливается германизація страны при содѣйствіи чужого и чуждаго Чешскому народу дворянства. Противореформація вообще не могла сочувствовать чешскому національному движению, какъ еретическому, съ точки зренія католической, и смотрѣла враждебно и на чешскій языкъ, какъ на органъ большой еретической литературы. Весь XVII вѣкъ былъ эпохой тягчайшихъ страданій Чешского народа.

Не обѣщало Чешскому народу ничего отраднаго и XVIII столѣтіе. Нѣмецкое вліяніе въ чешской общественной и культурной жизні, прочно утвердившееся послѣ бѣлогорской катастрофы, въ теченіе этого столѣтія находило сильную и властную поддержку въ мѣропріятіяхъ Габсбурговъ и ихъ

правительствъ. Всѣ эти мѣры опредѣляются двумя ясными терминами: централизація и германизація.

Централізаціонныя усилія вѣнськаго правительства направлены были къ уничтоженію автономныхъ правъ отдельныхъ земель; для Чехіи они выразились въ уничтоженіи Маріей Терезіей королевской чешской «придворной канцеляріи», какъ признака самостоятельности земель Чешской короны, для дѣлъ коихъ здѣсь сохранялся еще чешскій языкъ, какъ офиціальный языкъ королевства.

Роль чешского языка въ жизни государственной стала теперь совершенно ничтожною. Скромныя заботы правительства Маріи Терезіи въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка о возстановленіи, хотя бы частичномъ, правъ чешского языка въ администраціи и школѣ не получили болѣе широкаго развитія.

Іосифъ II особенно расширилъ права и область употребленія нѣмецкаго языка. Какъ германскій императоръ, онъ заботился объ утвержденіи нѣмецкаго языка, какъ единаго государственного, объединяющаго всѣ народы монархіи.

Даже въ Венгріи, гдѣ офиціальнымъ языкомъ былъ доселѣ языкъ латинскій, онъ приказываетъ ввести повсюду нѣмецкій языкъ. Особенно видную роль въ этихъ германизаціонныхъ усиліяхъ должна была играть школа.

По-нѣмецки читали профессора въ университетахъ и преподавали учителя гимназій и народныхъ школъ. Для поступленія въ среднюю школу требовалось знаніе нѣмецкаго языка. Средняя школа вплоть до 1816 года была совершенно закрыта для чешского языка и его школьнаго развитія.

Покинутый высшимъ классомъ и городскимъ населеніемъ, ограниченный даже въ деревняхъ и селахъ, чешскій языкъ, казалось, обреченъ быть на гибель и исчезновеніе. Это была, по выраженію Гавличка *čudá utištěná vdova*, гонимая и беззащитная. Лучшіе люди конца XVIII вѣка, какъ Добровскій, какъ будто даже сомнѣвались въ возможности спасенія и сохраненія чешского языка, ибо все, что могло напоминать Чешскому народу о его великомъ и блестящемъ прошломъ, что могло поддерживать въ немъ любовь къ родной старинѣ, подвергалось гоненію и безпощадно подавлялось.

Въ этомъ отношеніи особенно зловредною была дѣятельность изувѣрствовавшаго іезуита Коніаша (1760), одного изъ жесточайшихъ губителей чешской книги, истребившаго въ половинѣ XVIII ст., въ теченіе 30 лѣтъ своей инквизиторской работы (до 1749 г.) болѣе тридцати тысячъ опасныхъ, еретическихъ, некатолическихъ книгъ. Эти гоненія на чешскую книгу, — на произведенія протестантской литературы, на сочиненія Коменскаго, даже на нѣкоторыя изданія чешской бібліи, — продолжались еще въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII ст., когда, по свидѣтельству современника, цѣлыя полчища специальныхъ сыщиковъ рыскали по всѣмъ концамъ Чешской земли, отыскивали эти зловредныя книги и жгли ихъ на кострахъ.

Но, какъ всегда и всюду, преслѣдованія и гоненія, воздигнутые противъ Чешской народности, вызывали противодѣйствіе, реакцію, возбуждали въ чешской патріотической средѣ усиленное желаніе работать на пользу угнетаемаго народа.

Съ конца XVIII ст. въ чешской литературѣ, вздохнувшей нѣсколько свободнѣе въ эпоху «просвѣщенного абсолютизма» Іосифа II, его либеральныхъ указовъ о свободѣ вѣры и печати (1781), новыхъ вѣяній западно-европейской мысли, новыхъ идей французской философіи, проникшихъ и въ Чехію и распространившихся изъ дворянскихъ частныхъ бібліотекъ въ кругъ чешской просвѣщенной молодежи, замѣчается нѣкоторое оживленіе.

Германизація и централизаціонныя усилія способствовали пробужденію національного чувства, обратили взоры и мысли къ великому блестящему прошлому Чешского народа, къ его старинѣ, которая теперь усердно изучается. Наука историческая и филологическая служить великую службу этому пробужденію. Въ скромной изящной литературѣ просыпается вновь старая, придавленная, но не заглохшая окончательно національная мысль, вскорѣ вспыхнувшая яркимъ свѣтомъ.

Политика Іосифа II была столь же опасною для Чешской народности, сколько и благотворною этимъ возбуждающимъ протестъ и борьбу вліяніемъ.

Въ эту эпоху мы встрѣчаемся съ чрезвычайно характернымъ явленіемъ въ чешской пробуждающейся литературѣ. На защиту Чешской народности и ея наиболѣе яр-

каго выразителя, чешского языка, поднимается большая группа смѣлыхъ литературныхъ борцовъ, возвышающихъ свой голосъ за правое и великое дѣло. ІЦѣлая серія популярныхъ брошюръ и книжекъ на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, принадлежащихъ перу и скромныхъ чешскихъ писателей, и чешскихъ дворянъ, посвящена была защитѣ правъ чешского языка. Это такъ наз. защиты (*obrany*) чешского языка, сыгравшія большую роль въ пробужденіи национального чувства. «*Národy nehasnou, dokud jazyk žije, mají bytost jasnoú*», сказалъ одинъ изъ борцовъ за права чешского языка, и это было убѣжденіе общее и крѣпкое. Къ сохраненію языка и развитію его направляются всѣ силы. Начиная съ великаго Добровскаго, выступившаго въ сентябрѣ 1791 года въ торжественномъ засѣданіи Чешскаго Ученаго Общества съ привѣтственной рѣчью имп. Леопольду II, содержавшей смѣлое обращеніе къ государю съ просьбой объ отмѣнѣ стѣсненій для чешского слова, и кончая призывами маленькихъ, незамѣтныхъ дѣятелей — всѣ согласно, единодушно указывали на необходимость любовнаго изученія родного языка, охраненія его чистоты, его культивированія, научной его обработки. Президентъ Россійской Академіи А. С. Шишковъставилъ русскому обществу въ примѣръ эту любовь Чеховъ къ своему языку и самъ перевелъ на русскій языкъ одну изъ такихъ защитъ.

Чешскіе патріоты-писатели, это слѣдуетъ особенно отмѣтить, причисляя чешскій языкъ къ большой семье славянскихъ языковъ, а Чешскій народъ къ великому славянскому племени, считали какой-то аксіомой, самоочевидной истиной, что языкъ ихъ есть общее достояніе всѣхъ славянъ, что, какъ языкъ славянскій, онъ распространенъ «не только въ Чехіи, Моравіи, Польшѣ, Силезіи, но и въ Венгріи, Славоніи, Хорватіи, Сербіи, Босніи, Болгаріи, Валахіи, Украинѣ, Руси и т. д., вплоть до предѣловъ Арmenіи и Персіи». Или, по словамъ другого защитника, онъ распространяется отъ Адріатического моря до Ледовитаго океана и отъ Балтійскаго моря до Камчатки. Въ этомъ сознаніи славянскаго единства и величія единаго въ основѣ своей Славянства Чехи почерпали надежду и увѣренность въ прочности дальнѣйшей жизни и развитія своего языка. Объ этомъ развитіи заботится съ величайшимъ безкорыстiemъ проникнутая горячимъ идеализмомъ маленькая чешская литература. Писатели первыхъ десятилѣтій XIX вѣка — это будители, властенцы, патріоты, для которыхъ Отечество, народъ, родной

языкъ -- путеводныя звѣзды, яркіе маяки во тьмѣ ихъ тогдашней жизни. Русскій обозрѣватель упѣховъ чешской новой литературы уже въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія удивительно вѣрно отмѣтилъ этотъ высокій идеалистической, жертвенный порывъ писателей. «Нѣмецкая словесность, говорилъ онъ, не знала мощнаго покровительства Медицехъ: собственными силами своими вознеслась она на ту высоту, на которой теперь находится; но Богемская литература представляетъ явленіе еще необычайнѣйшее: не смотря на всѣ гоненія и утѣсненія, не смотря на неоднократныя предпріятія вовсе истребить языкъ Богемскій, она воспрянула изъ двухвѣковаго своего усыпленія, подняла главу и находится теперь въ цвѣтѣ, который обѣщаетъ зрѣлые и обильные плоды. Хотя неоспоримо, что особенное бѣгатство и гибкость языка Славянъ и преимущественно языка Богемцевъ, ранѣе прочихъ образованаго, наиболѣе къ тому способствовали, но не надобно упускать изъ виду и того, что Богемскіе писатели, не пользуясь тѣмъ ободреніемъ и покровительствомъ, какое имѣютъ сродные имъ писатели Русскіе и Польскіе, трудятся изъ одного патріотизма, ибо съ сохраненіемъ языка ихъ тѣсно связано сохраненіе существованія ихъ націи».

Успѣху національной работы много способствовало то обстоятельство, что уже въ первые моменты пробужденія національнаго самосознанія проявляется въ Чешскомъ народѣ, какъ мы сказали, и широкое самосознаніе славянское. Чешскій народъ никогда не мыслить себя особо, отдельно отъ прочихъ славянскихъ народовъ, онъ всегда считаетъ себя членомъ единой славянской семьи, онъ нерасторжимо связанъ своимъ происхожденіемъ, языкомъ, чертами быта и общими идеалами съ остальными славянскими братьями. Развитіе и укрѣпленіе самосознанія національнаго приводило къ развитію широкаго самосознанія славянского. Такъ какъ въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX-го наибольшая роль въ политической жизни тогдашней Европы принадлежала Россіи, то естественно на эту славянскую державу было обращено преимущественное вниманіе чешскихъ писателей, поэтовъ, мыслителей. Они всѣ были носителями и высокихъ политическихъ идеаловъ народа.

Къ факторамъ чешскаго возрожденія слѣдуетъ теперь присоединить непосредственное соприкосновеніе Чешскаго народа съ этимъ русскимъ міромъ, изученіе его и связи съ

нимъ, непрерывающееся въ наукѣ чешской и русской съ конца XVIII вѣка и до конца XIX столѣтія.

Путешествіе Добровскаго въ Россію въ 1792—1793 г., его занятія славянскими памятниками въ петербургскихъ и московскихъ библіотекахъ, сношенія его съ гр. Н. П. Румянцевымъ и его знаменитымъ кругомъ русскихъ ученыхъ; знакомство въ началѣ XIX ст. А. С. Шишкова съ Добровскимъ и другими учеными чехами въ Прагѣ, распространеніе въ Чехіи русскаго языка и русской литературы, ученой и изящной, при дѣятельномъ участіи самого Добровскаго; появленіе первыхъ переводовъ съ русскаго языка на основахъ русскаго стихосложенія — вотъ начальные, наиболѣе ранніе моменты этихъ культурныхъ связей.

Далѣе идутъ ученыя русскія, путешествія въ Чехію, имѣвшія большое вліяніе на развитіе славянской идеи и у насъ и у Чеховъ. Въ 20-ые годы XIX ст. отмѣтимъ пребываніе въ Прагѣ П. И. Кеппена, его связи съ большимъ кругомъ чешскихъ ученыхъ (Шафарикомъ, Добровскимъ, Ганкою); возникновеніе по его ініціативѣ и при его ближайшемъ участіи проекта призванія чешскихъ ученыхъ (Ганки, Челаковскаго, Шафарика) въ Россію и учрежденія то славянскихъ каѳедръ, то славянской библіотеки при Российской Академіи, съ большими славянскими учеными планами и заданіями.

Наконецъ, моментъ исключительный по значенію для науки русской и чешской, это — появленіе въ Прагѣ въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ цѣлой группы молодыхъ русскихъ ученыхъ, первыхъ нашихъ славистовъ, создателей русской школы славяновѣдѣнія: Бодянскаго, Прѣяса, Срезневскаго и Григоровича, а нѣсколькими годами раньше московскаго историка Погодина, посѣтившаго Прагу въ 1835 году. Послѣдствія продолжительныхъ занятій ихъ вопросами славянской филологіи подъ руководствомъ пражскихъ учителей, главнымъ образомъ — Шафарика, успѣвшаго уже оцѣнить значеніе непосредственныхъ связей съ Погодинымъ, преданнѣйшимъ своимъ другомъ и безкорыстнымъ помощникомъ во всѣхъ ученыхъ начинаніяхъ этого периода, были необыкновенно плодотворны, одинаково и для нарождавшейся русской науки славянской филологіи, и для успѣховъ славяновѣдѣнія чешскаго. Шафарикъ признавался неоднократно, что безъ помощи своихъ русскихъ друзей онъ едва-ли могъ бы достигнуть тѣхъ результатовъ, къ которымъ стремился и пришелъ въ своихъ научныхъ

предпріятіяхъ. Всѣ, — и Погодинъ, и Бодянскій, и Срезневскій, Прейсь, Григоровичъ и мн. др., — всѣ считали долгомъ оказывать содѣйствіе ученымъ начинаніямъ Шафарика. Погодинъ оказывалъ ему не разъ и значительную материальную помощь для изданія его трудовъ.

Въ этомъ высокомъ духовномъ общеніи первыхъ нашихъ славяновъдовъ съ чешскими ихъ учителями проявилась наша общая большая внутренняя моральная сила, обеспечившая молодой наукѣ успешное дальнѣйшее развитіе и поставившая въ основаніе его возвышенный принципъ славянской взаимности. Наши связи были необыкновенно оживлены, полны высокаго идеализма и не прерывались съ тѣхъ поръ въ теченіе цѣлаго столѣтія.

Рядомъ съ этой сильной культурной струей слѣдуетъ отмѣтить политическія события конца XVIII ст. и въ особенности начала XIX ст. — эпоху Наполеоновскихъ войнъ, пробудившую въ Чешскомъ народѣ, быть можетъ, неясныя, но постоянныя ожиданія и мечты, обратившую взоры его на Востокъ, откуда онъ ждалъ восхода зари лучшихъ дней, и сыгравшую также значительную роль въ чешскомъ возрожденіи. За борьбой Россіи съ Наполеономъ Чехи слѣдили съ волненіемъ и тревогой, опасаясь гибельного для чешскаго дѣла и для Славянства исхода ея. Одни вѣрили въ побѣду Россіи, другие отчаявались и были убѣждены, что Россія не устоитъ въ неравномъ спорѣ. Побѣды русскихъ войскъ разомъ окрылили ихъ надежды.

Чешская поэтическая литература этихъ лѣтъ въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ оцѣнила значеніе этихъ событий, — она увидѣла въ пламени Москвы очистительный огонь, въ которомъ совершилось возрожденіе Европы и обновленіе жизни Чешскаго народа. Та великая роль, которая принадлежала нынѣ Россіи, вмѣстѣ съ ея союзникомъ Австріей, въ решеніи судебъ европейскихъ народовъ, вызывала въ чешскихъ патріотахъ, а ихъ было много, совершило опредѣленныя надежды. Лучшимъ, наиболѣе убѣжденнымъ и яркимъ выражителемъ этихъ упований былъ поэтъ-священникъ Антонинъ Марекъ, повторившій въ одномъ изъ посланій къ другу Юнгманну лишь общее настроение большого круга патріотическихъ писателей этой эпохи. Онъ призывалъ Чешскій народъ къ мужественной борьбѣ за лучшее будущее и опредѣленно указывалъ ему, откуда взойдетъ для него солнце свободы: «Оттуда, съ востока

духъ Славіи вѣеть; оттуда поднимается родъ сильныхъ, за-
чатый надеждой, туда съ умиленіемъ обращаютъ свои взоры
Славяне, у ногъ коихъ пѣнятся волны Адріатики и Океана;
плугъ ихъ бороздитъ нивы лабскія и донскія, корабли ихъ
плаваютъ по морямъ Черному и Сѣверному. Не бѣда, что
насъ съ одной стороны тѣснить нѣмецъ, а съ другой — мы
влачимъ жалкое существованіе среди турокъ, что у борю-
щихся сербовъ опустилась храбрая рука, и что погибла
держава князя Святополка. Вѣдь не исторгнуть у насъ ски-
петръ Рюрика... Поднесь стоитъ древняя столица Москва
и неодолимый градъ Петра. Они, мужественно царствуя,
владеютъ большей половиною двухъ частей старого міра.
Скорбѣть о томъ, что наша чешская земля не подлежить
ихъ указамъ, значить испускать малодушные стоны»...
Поэтъ вѣрилъ въ приходъ лучшихъ дней и ясно связывалъ
ихъ съ политическимъ вліяніемъ Россіи, ея мощью, величіемъ
и значеніемъ въ рѣшеніи судебъ славянскихъ народовъ.

Славянское самосознаніе въ чешскомъ обществѣ разви-
валось подъ вліяніемъ или впечатлѣніемъ непосредствен-
наго сближенія Чеховъ и Русскихъ въ эту великую эпоху.
Этотъ фактъ признавали всѣ виднѣйшіе дѣятели чешского
возрожденія: Юнгманнъ, Ганка, Палацкій, Пуркине и другіе.
Онъ подтверждался и тѣмъ ревнивымъ и опасливымъ отно-
шеніемъ къ нему, какое обнаруживали враги Славянства —
нѣмцы той же Чехіи. Поэтъ Челаковскій высказалъ въ од-
номъ изъ писемъ мысль, что само Прovidѣніе избрало Рос-
сію для того, чтобы она и сама, усиливаясь и возрастая,
обрѣла свободу, а черезъ нее достигли бы ея и другіе на-
роды. Чѣмъ больше она усиливается и растетъ, тѣмъ ближе
день освобожденія ихъ. Эта мессіанистическая вѣра въ Рос-
сію, въ ея особое призваніе въ Славянствѣ свойственна была
многимъ чешскимъ поэтамъ, какъ она проявлялась и въ ли-
тературѣ польской въ различное время съ конца XVIII вѣка.

Ревностный проповѣдникъ славянской взаимности Янъ
Ев. Пуркине, ученый и поэтъ, опредѣленно поставивъ но-
вѣйшее стремленіе къ самобытному славянскому образова-
нію въ Чехіи въ связь съ Освободительной войной 1813 г.
и пробужденіемъ нѣмецкой народности, указалъ и на бли-
стательное возвышеніе Россіи, какъ на факторъ, имѣвшій
немалое вліяніе на пробужденіе въ Чешскомъ народѣ «со-
знанія всеобщей славянщины».

Погодинъ, посѣтившій впервые Прагу и Чехію въ 1835
году, уже тогда вынесъ отъ знакомства съ Чехами, учеными

и писателями, самыя радостныя впечатлѣнія, а обѣ отношеніи славянъ къ Россіи онъ писалъ впослѣдствіи слѣдующее: «Славяне смотрять на Россію, какъ волхвы смотрѣли на звѣзду съ востока. Туда лежать ихъ сердца, туда устремлены ихъ мысли и желанія, тамъ витаютъ ихъ надежды. Отъ нея чають они себѣ спасенія, подобно евреямъ отъ Мессіи. Всякій успѣхъ Россіи они считаютъ своимъ собственнымъ, будто шагомъ приближенія къ цѣли; во всякомъ внутреннемъ russкомъ происшествіи принимаютъ живѣйшее участіе. Смотря на Россію, Славяне ободряются, чувствуютъ въ себѣ новыя силы, сносятъ терпѣливѣе несчастную свою участіе. Святая Русь, матица Москва -- любимыя ихъ выраженія. Русскому нельзя слушать безъ сладостнаго трепета все то, что и какъ говорятъ они о Россіи. Славяне еще не забыты Богомъ (утѣшаютъ они себя), пусть всѣ государства ихъ пали, и Богемія, и Моравія, и Силезія, и Померанія, и Славонія, и Кроація, и Далмація, и Сербія, и Болгарія — зато Россія возстала, зато Россія первое государство въ мірѣ. Она избавитъ насъ отъ нашихъ враговъ, чтобы и мы явились наконецъ въ мірѣ и исполнили свое предназначеніе».

Эта вѣра, мистическая, безотчетная, трогательная въ своей глубокой простотѣ и нѣкоторой наивности, и чаянія, съ нею связанныя, не оправдались во всей полнотѣ, какъ этого ожидали Славяне, однако въ пробужденіи чешского національнаго чувства и большого славянскаго самосознанія она была благодатною силою, сътворившею обновленіе духа жизни, освобожденіе его отъ мертвящаго, мрачнаго пессимизма одиночества въ Славянствѣ.

Это старыя основанія нашихъ взаимныхъ влеченій, симпатій и прочнаго довѣрія, которыя столь ярко проявились въ міровой войнѣ, когда Чехи добровольно въ рядахъ нашихъ войскъ умирали за общее славянское дѣло и за свободу своей отчизны.

Провидѣніе, ниспославъ намъ тягчайшія испытанія, благостью своею привело нась въ кругъ того братскаго народа, который сохранилъ къ Россіи всѣ старыя, всегда стихійно проявлявшіяся возвышенныя чувства. Какъ будто свершились пророческія ожиданія великаго аббата Добровскаго, и оправдались его слова, сказанныя имъ еще въ 1797 г. относительно разрозненныхъ, разошедшихся Славянъ: «Быть можетъ, Провидѣніе народы одного поколѣнія, послѣ бесконечныхъ кружений и блужданій, соединить когда-нибудь опять»... Русскій ученый В. И. Григоровичъ видѣлъ въ

Этому стремлениі къ соединенію доказательство живучести идеи славянской взаимности, доказательство закона, по которому части организма, несмотря на задерживающія ихъ ростъ вліянія, все-таки достигаютъ этого роста, той гармоніи, которая лежитъ въ основаніи всего органическаго.

Для насъ, послѣ пережитыхъ потрясеній, «круженій и блужданій», пребываніе въ родственной средѣ Чешскаго народа и постоянное близкое сердечное общеніе съ нимъ имѣть глубокое значеніе.

Вручивъ намъ чистыя скрижали нашей новой исторіи, Провидѣніе всемудрою десницею своею начертало на нихъ лишь первую страницу исторіи нашего исхода и славянскихъ связей въ ХХ ст. Мы будемъ дописывать остальныя страницы, поучаясь уроками тѣхъ братьевъ нашихъ, которые умѣютъ строить, не разрушая старыхъ историческихъ основъ, создавать новую жизнь, почитая традицію и храня свято завѣты предковъ, оберегая всѣ святыни народныя и утверждая высокіе идеалы славянской взаимности, какъ они сложились въ литературѣ чешской у Коллара, Юнгманна, Шафарика, Пуркини и др. Чехи остановились въ этой новой лѣтописи на главѣ, исчерпывающей труды и успѣхи перваго десятилѣтія свободного бытія ихъ. Они могутъ по праву гордиться своими достиженіями. Правда побѣдила, — и они торжествуютъ. Мы еще ждемъ этой побѣды Божьей правды, права и справедливости, и когда она восторжествуетъ, тогда мы начнемъ писать трогательныя и поучительнѣйшія страницы исторіи нашихъ славянскихъ «кружений и блужданій» въ ХХ столѣтіи.

Оглядываясь на пройденный недолгій, но исполненный великихъ трудовъ путь строительства, устроенія и утвержденія своего обновленнаго самостоятельнаго государства, созданнаго безпримѣрнымъ идеализмомъ и горячею любовью къ отечеству, Чешскій народъ въ сегодняшній день подводить итоги этой большой работы.

Мы въ значительномъ нашемъ большинствѣ, и старики и молодежь, совершили этотъ путь съ нашими братьями чуть ли не съ самого начала его; во всякомъ случаѣ, мы прошли съ ними нѣсколько большихъ и значительныхъ этаповъ ихъ свободного развитія. Мы, правда, не были активными участниками этой стройки, но и не были лишь безучастными зрителями ея. Мы глубоко сжились съ чешскимъ народомъ за это первое десятилѣтіе его новой жизни, про-

никлись его стремленими, уяснили себѣ его идеалы, сумѣли оцѣнить ихъ и создать свой идеаль и принципы истиннаго чешско-русскаго братства въ будущемъ. То, что раньше было достояніемъ лишь небольшого круга русскихъ ученыхъ славяновъдовъ, издавна стремившихся въ Прагу, начинавшихъ здѣсь свое знакомство съ славянскимъ міромъ, стало нынѣ достояніемъ большого круга русскаго просвѣщенаго общества.

Въ нашемъ роковомъ изгнаніи, разсѣянные по разнымъ концамъ Славянства, мы омыли себя отъ того старого грѣха невѣдѣнія, незнанія или игнорированія славянъ, въ которомъ нась такъ охотно, но не всегда основательно упрекали наши славянскіе братья: мы пріобщились къ ихъ жизни въ такой мѣрѣ, какъ этого никогда еще не бывало въ исторіи культурныхъ взаимоотношеній славянъ, — изучили языкъ ихъ, познакомились съ ихъ богатой, высокой культурой и не только воспріяли ее пассивно, но и активно приняли въ развитіи ея своими трудами нѣкоторое участіе; наши многочисленные ученые всесторонне стали изучать этотъ новый міръ: славянскія литературы, право, исторію, экономическую жизнь, внося новые страницы въ эти области научной работы. Изъ рядовъ русской молодежи, выросшей въ славянской школѣ, неожиданно расцвѣли даже славянскіе писатели, поэты, переводчики.

Если прежде русское искусство широко проникало на западъ и въ славянскія земли извиѣ и безъ нась, безъ нашихъ усилій, какъ нѣчто заносное, то теперь оно стало органически выростать и расцвѣтать внутри славянскихъ культурныхъ центровъ при нашемъ живѣйшемъ участіи, шириться нашимъ творческимъ сліяніемъ съ воспріимчивой родственной средой. Это отрадные факты нашей невольной жизни въ нашей родинѣ, свидѣтельствующіе о нашей духовной моці, внутренней силѣ и живучести, объ изумительной жизненности и цѣнности нашего достоянія, принесенного нами въ изгнаніе. Въ этомъ живомъ и длительномъ обиженіи съ славянскими братьями мы обрѣли источникъ но-

выхъ достиженій и въ сочетаніи съ этими новыми началами и благами, которыя мы усвоили и усвояемъ отъ нашихъ братьевъ, наше русское духовное богатство дастъ на славянской нивѣ цвѣты и плоды невиданные по красотѣ и цѣнности. Въ этомъ—значеніе нашего общаго дѣланія на славянской нивѣ, которую мы вспахиваемъ для грядущихъ поколѣній. Въ этомъ — основаніе нашего сердечнаго участія въ великомъ ликованіи нашихъ братьевъ, коимъ мы приносимъ нашъ горячій привѣтъ, наши глубокія чувства солидарности; съ ними мы раздѣляемъ ихъ старую вѣру въ Славянство и въ нашу Святую Русь.

ІЗДАНІЯ О-ВА ИМ. АЛ. ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

1. Евменій Сабовъ: Грамматика русского языка для средн. учебн. зав. Подк. Руси. Ч. I. Этимологія. Ужгородъ 1924 г. 12 кч.
2. В. А. Францевъ: Къ вопросу о литературномъ языке Подкарпатской Руси. Ужгородъ 1924. (Разошлось). 2 кч.
7. О литературномъ языке карпатороссовъ и грамматикъ Евменія Сабова. Ужгородъ. 1925. 2 кч.
8. Евм. Сабовъ: Очерькъ литературной дѣятельности и образованія карпатороссовъ. Ужгородъ 1925. 4 кч.
11. Д-ръ Ю. Гаджега: Общество им. А. Духновича и русскія женщины. Ужгородъ. 1925. 2 кч.
13. Д-ръ I. Каминскій: Национальное самосознаніе нашего народа. Памяти А. Духновича. Ужгородъ. 1926. 2 кч.
14. Евм. Сабовъ: Рѣчь по случаю открытия памятника А. Духновичу въ Севлюшѣ. 1925. 2 кч.
16. Д-ръ Юлій Гаджега: Исторія Общества св. Василія Вел. и рѣчь ко дню 60-лѣтія отъ его учрежденія. 1925. (Разошлось). 5 кч.
- 3, 4, 5, 6, 9, 10, 12, 15, 17, 18 и 19. Народн. библіотека. (Распродано).
20. П.С. Федоръ: Краткій очеркъ дѣятельн. А.И. Добрянского. 1926. 2 кч.
21. Е. Сабовъ: Рѣчь по случаю открытия памятн. А.Е. Фенцика. 1926. 2 кч.
22. Д. Н. Вергунъ: А. Е. Фенчикъ и его мѣсто въ русской литерат. 2 кч.
23. Н. Павловичъ: Русская культура и П. Русь. 1926. (Разошлось). 2 кч.
24. Д-ръ С. Фенчикъ: Дѣятельность О-ва Духновича. 1922-1926. 8 кч.
25. Д-ръ I. Каминскій. Народный Календарь О-ва Духновича на годъ 1927. (Разошлось). 5 кч.
26. Духновичъ—Ст. Фенчикъ: Нашъ национальный гимнъ. 1926. 2 кч.
27. А. Бобульскій: «Нѣмая невѣста». Пьеса въ 1 дѣйств. 1926. 2 кч.
28. И. Лаппо: Происхожд. украинск. идеологіи новѣйш. врем. 1926. 2 кч.
29. Д-ръ Ю. Гаджега: Краткій обзоръ научной дѣятельности Ю. И. Венелина (Гуцы). 1926. 5 кч.
30. Проф. д-ръ А. Петровъ: Древнѣйшая церк.-слав. грамота 1404 г. о Карпаторусской территорії (съ фотогр. снимкомъ грамоты). 3 кч.
31. Д-ръ С. А. Фенчикъ. Народный Календарь О-ва Духновича на годъ 1928. 7 кч.
32. Д. Анталовскій: «Рождественская ёлка», пьеса въ 2 д. 1927. 2 кч.
33. Д-ръ К. Н. Шимановскій: «Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ». 1927. 2 кч.
34. П. С. Федоръ: «Несчастная судьба», пьеса въ 4 дѣйств. 8 кч.
35. Д-ръ Ю. Гаджега: Исторія Ужгородск. Богосл. Семинаріи. 1928 6 кч.
36. Андрей В. Карабелешъ: Собрание стихотворений.
37. Валерій С. Вилинскій. Корни единства русской культуры — ц. 5 кч
38. Георгій Верховинскій: Юрко Русинъ и его внучка — ц. 3 кч.
39. Ир. М. Кондратовичъ: Къ исторіи стародавняго Ужгорода и Подкарпатской Руси. — ц. 5 кч.
40. Антоній Луковичъ: Национальная и языковая принадлежность русской части Подкарпатской Руси. (Печатается).
41. Стихотворенія А. Попрадова-Ставровскаго, собр. д-ръ Н. Бескидъ
42. Д-ръ Ю. Гаджега: Два историческихъ вопроса, 1928. — ц. 5 кч.
43. Д-ръ Н. Бескидъ: Изъ славянского прошлаго. (Печатается).
44. Народный Календарь О-ва на 1929 г. подъ ред. Д-ра Степана А. Фенцика, 1928. — ц. 4 кч.
45. Проф. Ф. Ф. Аристовъ: Бібліографический перечень творчества А. В. Духновича, 1928. — ц. 1 кч 50 гел.
46. Д-ръ Евгеній Недзѣльскій: Изъ чешской лирики. 15 кч.
47. Проф. А. Флоровскій: Замѣтки И. С. Орлая о К. Руси. 2 кч.
48. В. А. Францевъ: Десять лѣтъ свободной жизни Чсл. народа. 3 кч.
49. Д-ръ Ст. А. Фенчикъ: Галиція. 3 кч.
50. Д-ръ Н. А. Бескидъ: Попрадовъ (печатается).

**Принимается подписка
на общественно-литературный журналъ**

„Карпатскій Свѣтъ“

выходящій въ УЖГОРОДЪ одинъ разъ въ мѣсяцъ,
кромѣ юля и августа,

посвященный культурной и художественной жизни Подкарпатской
Руси, идеямъ – единства русскаго народа и свободнаго славянства.

Главный редакторъ:

Архидіаконъ Евм. И. Сабовъ

предсѣдатель
Общества им. А. Духновича.

Отвѣтственный редакторъ:

Стефанъ А. Фенцикъ

докторъ теологіи и философіи,
секретарь-дѣлопроизводитель О-ва.

**Къ УЧАСТИЮ ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИГЛАШЕНЫ И ИЗЪЯВИЛИ СВОЕ
СОГЛАСІЕ СОТРУДНИЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ЛИЦА:**

Авроровъ Константинъ (Америка), Астровъ Н. А., Анталовскій
Василій, губернаторъ д-ръ Бескидъ Антоній, д-ръ Бескидъ Алек-
сандръ, д-ръ Бескидъ Николай, Бобульскій Антоній, Василенковъ
Михаилъ, проф. Вергунъ Д. Н., депутатъ д-ръ А. Гайнъ, проф. С.
Гессенъ, Гендеръ Іоаннъ, проф. Гайдичъ Степанъ, Добошъ Иванъ,
дир. Драгула Николай, проф. Дюлай Іосифъ, д-ръ Жидовскій Иванъ,
Карпинецъ Эммануиль, д-ръ Каминскій Іосифъ, Кизакъ Іоаннъ, Ко-
вачъ Иванъ, Контратовичъ Ириней, Луковичъ Антоній, Ладыжинскій
Іоаннъ, проф. Лаппо И. И., проф. Легра Жюль (Дижонъ), проф. Н.
Могилянскій, Малецъ Григорій (Львовъ), д-ръ Мачикъ Константинъ,
инж. Мигаличъ Гавріль, проф. Микита М., сенаторъ д-ръ Б. Нѣ-
мецъ, Немировичъ-Данченко В. И., д-ръ Недзѣльскій Е. Л., проф. Па-
нась И. О., д-ръ Папій Иванъ, проф. Петровъ А. П., Петровъ Андрей,
Поливка И. А., Поповъ А. В., д-ръ Ф. Скацеликъ, Ставровскій Миха-
иль (Америка), проф. Стратоновъ В. В., проф. Стрипскій Констан-
тинъ, д-ръ Сулинчакъ Василій, акад. Струве П. Б. (Парижъ), Н. К. Сы-
соевъ, Тегзе И. (Америка), академикъ Францевъ В. А., Флоровскій
В. А., Федоръ П. С., д-ръ Фенцикъ Евгеній, дир. Хромякъ Осипъ,
д-ръ Шкирпанъ Нат., Шпеникъ Вас., проф. Яворскій Ю. А. и друг.
Лица, сочувствуяще и преданныя обще-русскимъ культурнымъ начинани-
ямъ приглашаются присылатъ научный, литературный и по общественнымъ вопросамъ материалъ. Статьи должны быть напечатаны на пи-
шущей машинкѣ или четко отъ руки. Журналъ будетъ печататься на обще-русскомъ литературномъ языкѣ, но въ видѣ исключенія, прини-
мая во вниманіе историческія судьбы языка Подкарпатскаго края, будутъ допускаться статьи и разсказы съ сохраненіемъ особенностей
языка автора.

Подписная цѣна на одинъ годъ въ предѣлахъ Чехословакской респу-
блики – 60 кч., въ другихъ странахъ Европы – $2\frac{1}{2}$ amer. доллара въ
соответствующей валюте, въ Америкѣ – $3\frac{1}{2}$ amerik. доллара.

Цѣна одного номера въ розничной продажѣ – 6 кч.

Всѣ годовые подписчики, внесшие полную подписную плату до 1-го
декабря получать бесплатно 2 книжки изданныя обществомъ въ 1929 г.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

УЖГОРОДЪ, (Подкарпатская Русь, Чехословакія), Маломостовая, № 7.